

В. А. Меркулова

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. III

(*нецевенье, хорь, сколудина, хмыз, верпеть*)

нецевенье

Перед нами документ, имевший в свое время большое государственное значение: следственное дело о гибели царевича Дмитрия. Многочисленные свидетели показывают, что царевич страдал эпилепсией (падучей) и в момент припадка, в состоянии беспамятства, упал на нож и погиб. Показания Андрея Нагого: «А на црвче бывала болѣзнь падучая; да нне в великое говѣнье у дочери его руки переѣль, да и у него у Ондрѣя црвчъ руки ѣдалъ же в болѣзни, а у жилцовъ и у постелницъ, какъ на него болѣзнь придетъ, и црвча как стануть держать, и онъ втѣпоры ѣсть в *нецывенье* за што попадетца». (Сл. о убиен. ц. Дм.) (1591 г.)¹. Интересующее нас слово *нецывенье* играет в этом документе решающую роль: царевич не был убит, он в беспамятстве убил себя сам. Ясно, что слово *нецывенье* 'беспамятство' бытовало в языке Москвы XVI века.

Снова мы встречаем это слово в памятнике XVII в., в статейном списке о перенесении мощей патриарха Иова в Москву (1652 г.). Этот документ является письмом царя Алексея Михайловича Никону (тогда митрополиту). Царь, потрясенный внезапной болезнью и смертью патриарха Иосифа, подробнейшим образом описывает события: «И молвилъ я отцу его духовному: видить отецъ нашъ нѣкакое видѣние; и онъ молвилъ: нѣтъ, де, полна, де, в *нецевеньѣ* такъ смотреть». В другом месте того же памятника: «Я де почаль говорить: для чего нейдешъ? и онъ де мнѣ говорить: не смѣю де итти, станеть де кручиниться, и я де закричалъ: хотя бѣ де билъ тебя и ты бѣ де шелъ къ нему, видишь де и самъ, что топере онъ в *нецевелье*, потому болѣзнь та гораздо приняла его»².

Через двести и триста лет мы находим это слово сохранившимся в говорах Псковской, Смоленской и Калужской областей: *внецѣвелье*, *внецѣвельи* нареч. 'в беспамятстве', *внечѣвелях* то же (псков.)³; *нечѣвель*, *нецывель* ж. 'беспамятство, бесчувственность,

¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. 2. М., 1819, с. 108.

² Собрание писем царя Алексея Михайловича. Изд. П. Бартечев. М., 1856 г., с. 166, с. 163.

Филин, 4, с. 323.

обморок': «У нечйвили був, в нецывлях» (смол.); ничёвли м. мн. 'беспамятство, забвение, обморок': «Я шел, словно в ничевлях» (калуж.)⁴. Следует обратить внимание на то, что это выражение сохранилось в говорах, граничащих с белорусским языком.

Белорусский язык дает очень богатый материал: *зньачывілі* 'бессознательно, опрометью'⁵; *зничйвили* нар. выражает действие, происходящее от какого-то невольного, бессознательного побуждения, или такого обстоятельства, в котором человек, ни по своей воле, ни под влиянием чужой опрометчиво, без всякого сознания действует: «Зничйвили кинувся в огонь», «Зничйвили рвав на себе волосы, щипав свое цело»⁶. То же в смоленских и могилевских говорах: «Зничйвиле зругнулся»⁷, «Зньячйвілі сырваўсь і пабег у поля»⁸.

Нечйвилъ ж. 'нечаянная беда': «Нейкая нечйвилъ случилася. Вскходзилися, як перед нечйвиллю. Нечйвилъ цебе возьми! Зъ нечйвилли и в огонь кинешься»⁹.

Слово в ином словообразовательном оформлении существует в белорусском литературном языке и в говорах: *знячэўку* нареч. разг. 'неожиданно, внезапно', *знячэўку* 'неожиданно': «Адн'экул' з'н'ачэўку надышл'і пал'ицайи» (гродн.)¹⁰; *зньэціўка* 'неожиданно': «Пывярнуўсь і зньэціўка тыўкануў яго, ды такі здорува, аж стыкан вываліўсь з рук у таго» (могил.)¹¹.

Если в белорусском языке мы наблюдаем большую активность этого выражения, то в украинском оно встречается редко и практически деэтимологизировалось. *Знечэв'я* 'неожиданно' дает Гринченко, в другом месте своего словаря он уже пишет: *нечэвля* или *нечэв'я* ср. только с предлогом з: з нечев'я 'из ничего' «З нечев'я, а базар в степу як треба став»¹². В современном словаре украинского языка *зничэв'я*, *знечэв'я* 'от нечего делать', 'неожиданно, вдруг', 'ни с того, ни с сего, без причины'¹³. Первое значение показывает, насколько слово деэтимологизировалось.

Семантический диапазон этих связанных выражений, представленных в трех восточнославянских языках, достаточно узок: 'беспамятство', 'неосознанно', 'нечаянная беда', 'неожиданно'. Значения 'нечаянная беда' и 'неожиданно' представляются вторичными, выводимыми из первых: 'отсутствие знания, сознания'. Ср., например, *не знать* нареч. 'неизвестно, непонятно, бог знает

⁴ Даль³ II, стб. 1407—8, 1421.

⁵ Байкоў-Некрашевiч, с. 135.

⁶ Носович, с. 216.

⁷ Добровольский, с. 281.

⁸ Бялькевич, с. 212.

⁹ Носович, с. 338, Байкоў-Некрашевiч, с. 200.

¹⁰ Сцяшкович, с. 197.

¹¹ Бялькевич, с. 211.

¹² Гринченко II, с. 173, 562.

¹³ Словн. укр. мови 3, с. 669.

что' (арх.)¹⁴, *невбзнать* 'невзначай' (арх.), *изнавесть*, *изневесть* 'нечаянность' (псков., твер.)¹⁵ и др.

Состояние беспамятства, потери сознания, полного или частичного, в славянских языках выражается или синтаксически или с помощью имен с приставкой *без-* или отрицанием *не-*: укр. *безпáм'ять*, *непáм'ять*, *нестяма*, *непритбмость*; блр. *непрытомнасць*, *няпбмнасьць*; польск. *nieprzytomność*, *omdlenie*, *zamroczenie*, чеш. *bezvědomí*, *zapotnětlivost*; болг. *забравa*, *несвят*, *безсъзнание*; словен. *nezavest*, *ototica*, *omedlevica*.

В русском языке употребляются следующие слова: *беспáмятство* 'полная потеря сознания', 'исступление', *забытьё* 'неполная потеря сознания', *обморок* 'временная потеря сознания, сопровождающаяся слабостью, дурнотой', *затменьё* 'временная потеря способности ориентации в среде'. Чаще всего в литературном языке употребляются синтаксические конструкции: *быть без сознания*, *без памяти*, *потерять сознание*. В говорах мы встречаем еще *зáбыть*, *забýтица*, *забýтище* 'забытьё' (курск.)¹⁶. В печорских говорах: «бр'ушнóй т'иф был / ја с'емнáд'ц'ет' сýток б'ез вн'и-мáн'ија был / вывóд'ил'ис'»¹⁷, где *без внимания* 'без сознания', ср. *внáяться* 'постичь, понять что-л., вникнуть во что-л.' (волог.)¹⁸.

Мы наблюдаем отсутствие единого общеславянского слова для обозначения бессознательного состояния, большое количество местных названий разной степени древности. Обращает на себя внимание модель противопоставления: *быть в сознании* — *быть без сознания*, *быть в памяти* — *быть без памяти*, *беспамятство*, укр. *пáм'ять* — *безпáм'ять*, *непáм'ять*, польск. *przytomność* — *nieprzytomność* и т. д. Ту же устойчивую модель, построенную на противопоставлении, мы вправе предположить и для интересующего нас слова.

Обычно слова с отрицанием *не-* противопоставлены реально существующим образованиям, но иногда они консервируют древние, архаичные, не сохранившиеся в несвязанной форме лексемы. Ср. русск. литер. *ненавидеть* — *нэнависть* при диалектном *навидеть* 'любить', *нависть*, *навид* 'любовь', диал. *невишнóй* 'слепой', позволяющее реконструировать **вишнóй* 'зрячий' (< **vistьnъjь*) и **vistь* 'зрение'; *некошнóй* 'слабый, болезненный и некрасивый, безобразный, неудачливый', что позволяет восстановить для русского языка **кошнóй* 'здоровый, красивый, добрый, удачливый' (ср. *рóскошь*, польск. *kochać* 'любить' и русск. арх. «Не порато кошнá была девка-то»¹⁹); *недоровóй* 'предвещающий беду, несущий в себе зло': «Ой, ч'ивóй-ть н'дъравóй, пожар случилс'и у м'ин'á»

¹⁴ Подвысоцкий, с. 100.

¹⁵ Доп. к Опыту, с. 72.

¹⁶ Филин, 9, с. 288.

¹⁷ Картотека Печорского областного словаря.

¹⁸ Филин, 4, с. 324.

¹⁹ Даль³ II, стлб. 469.

(ряз.)²⁰, что позволяет считать реальной лексему **доровбѣ* 'благополучный, хороший' (ср. **sъdorvъ*), *неотбѣчивый* 'плохо прибывающий в весе при откорме' (урал.)²¹, дающее возможность говорить о праслав. **obtuǰǐivъjъ* 'хорошо прибывающий в весе'. Интересующее нас слово *нецевенье* относится к этой же категории слов.

Наибольшие трудности представляет собою формальная реконструкция слова, так как перед нами архаичная лексема, сохранившаяся в связанной форме и подвергшаяся процессу дестимологизации. Мы имеем следующие слова и выражения: русск. *нецывенье, нецевенье, нецевелье, внецѣвелье, внецѣвельи, вначѣвелях, нечѣвель, нецѣвѣль, ничѣвли*, блр. *зньчѣвѣлі, нечѣвѣль, знячѣўку, знѣцѣўка*, укр. *знѣчѣв'я, знечѣв'я, знечѣвля*. Устранив варианты и производные формы, мы получим следующие образования: *нецевенье, нецевелье / нечѣвель, нечѣвель / нецѣвель, нечѣвок*. Существование процесса перехода *ч > ц* в некоторых позициях в белорусском языке и смежных русских говорах (ср. *цистый, цистюць, цур* и др.) дает нам возможность считать исконным корневым согласным звук *ч*. Колебания корневого гласного могут быть как исконными, так и результатом дестимологизации. Принимая условную реконструкцию, мы восстанавливаем праславянские лексемы: **nečevēnje, *nečevēlъ, *nečevъkъ* 'беспамятство', что, учитывая описанную выше модель, дает возможность восстановить праславянские **čevēnje, *čevēlъ, *čevъkъ* 'сознание, память'.

Вопрос о корневом гласном остается открытым. Праславянский глагол **čuti, čijъ*, по-видимому, имел более древний инфинитив в виде **čvati, čijъ*²², ср. ст.-слав. *уѣвение sensus dubius* «аще избоудеть се, не имаши оучвения приети» (Homiliae variorum XIII в.)²³, с.-хорв. *čvéne auditio* (XV в.) < **čvēnje*²⁴.

В белорусском языке мы находим еще один интересный диалектизм *нѣчвѣць* 'прожора': «От дзе *нечвѣць, ік ня ў сѣбе есьць ды есьць*»²⁵. Мне представляется, что значение слова здесь передано неверно, *нечвѣць* не 'обжора', а 'невежа', тот, кто «ік ня ў сѣбе». Слово может быть реконструировано как **ne-čv-ety* с нулевой огласовкой в корне.

Заманчиво увидеть формальное совпадение с.-хорв. *čvéne* и русск. *нецевенье*, но смущает то, что ни в одном примере мы не имеем утраты корневого гласного. Напрашивается вывод, что корневым гласным было *e*. На территории того же белорусского языка сохранился глагол *чбвѣць* 'бдеть' < праслав. **čevēti* или **čeviti*: «Блр. слово документирует реальность праслав. **čeviti*,

²⁰ Деулинский словарь, с. 334.

²¹ Сл. Сред. Урала II, с. 202.

²² Słownik prastowiański II, с. 296—297.

²³ Miklosich LP, с. 1081.

²⁴ RJA II, с. 120; S k o k I, с. 344.

²⁵ Шатэрнік, с. 177.

которое, будучи праслав. диалектизмом очень ограниченного распространения, носит вместе с тем черты большой древности и самобытности, т. к. является продолжением первичного глагольного и.-е. **keḗ-ei-* (или *keḗ-ē-*), тогда как в других и.-е. яз. находим *koḗ-ei-*. . .»²⁶

Наличие слова *нецевенье* только в памятниках XVI—XVII вв., сохранение этого слова в говорах сопредельных с белорусским языком и переживших в определенный период много общих лингвистических процессов, наличие именно в белорусском производящего глагола, — все это позволяет считать именно белорусский язык источником рассмотренных выше лексем. Таким образом, белорусский глагол *чбвіць* представляется не изолированным, а производящей основой для большого количества производных форм: *čevēti* → *čevěnyje*, *čevelʹ*, *čevʹkʹ*.

хорь

В архангельских говорах и в русских говорах Карелии записано слово *хорь* 'моль': «Погл'ен' / *хор'* н'е прийела л'и / мол'-та». В псковских говорах *хорёк* 'жучок, точащий дерево'²⁷.

Перед нами слово, не нашедшие себе места в научной литературе, а между тем представляющее определенный интерес.

Насекомое *Тинса* во всех славянских языках имеет единое наименование **molb*. Это имя, образованное от глагола **melti* 'дробить, растирать, размельчать', давно деэтимологизировалось, но, тем не менее, устойчиво сохраняется во всех современных славянских языках.

Но одновременно существовали и существуют вторичные названия, восстанавливающие этимон: с.-хорв. *grjzlica* 'моль', русск. диал. *шбшель* 'моль' и др.

По-видимому, таким вторичным и местным было название моли, представленное только в русском языке: *корь* и *скорь*. Территория распространения слова *корь* — Вологодская и Рязанская области и говоры вторичного заселения, а слова *скорь* — Белозерье.

Корь 'моль', 'личинка моли' (ряз., волог., урал., иркут., краснояр.)²⁸, *скорь* 'моль' (череп.)²⁹.

Это древний диалектизм, имя, образованное от основы глагола, восходящей к и.-е. **sker-* 'резать'. Праславянский характер этих слов подтверждается индоевропейскими, в частности, греческими соответствиями: *χόρις*, -εως 'клоп'³⁰.

²⁶ ЭССЯ 4, с. 99.

²⁷ Картотека СТЭ; Картотека СРНГ; Картотека Псковского областного словаря.

²⁸ Деулинский словарь, с. 242; *Даль* ³ II, стлб. 438; Сл. Сред. Урала II, с. 52; Иркутский областной словарь, I, с. 223; Красноярский словарь, с. 93.

²⁹ *Герасимов*, с. 81.

³⁰ *Фасмер* II, с. 343—344.

Архангельско-псковский пример **xorb* 'моль' < **skorb* интересен тем, что он отражает непоследовательность, незаконченность фонетического процесса перехода *sk* > *x*. Наличие слов с единой семантикой, представленных в двух фонетических вариантах, дает нам возможность более полно понять это явление.

Несомненно, результат того же процесса мы наблюдаем в псковском³¹ и олонечком *xorb* 'болезнь корь'³². В данном случае, **xorb* < **skorb*, как парадигматический вариант к **skora* 'шкура', образованного от той же глагольной основы **sker-* 'резать' со специфическим оттенком значения 'чесать, драть'³³.

Диалектный материал дает нам возможность реконструировать праславянский диалектизм **skorb* > **xorb* 'моль', 'болезнь корь'.

сколудина

В псковских говорах есть слово *сколудина* ж. 'негодная, старая лошадь'³⁴. В других говорах это слово не встречается, в этимологической литературе отсутствует, а между тем, оно достаточно интересно. Со словообразовательной точки зрения это слово с единичным суффиксом *-ина*, широко представленным в псковских говорах. Исходная форма слова должна быть **сколуда* или **сколудь*. При реконструкции **skolqđь* слово членится на корень и суффикс следующим образом **skol-qđь*. Имен с этим суффиксом в славянских языках немного: **želqđь*, **želqđькъ* и **olbqđь*³⁵. К этой же словообразовательной группе следует отнести и восточнославянское **šelqđь*. В «Этимологическом словаре славянских языков» дается слово **bělqđa* (болг. *белѹда* 'белая корова или овца', *белѹдка* 'белая слива', русск. *белѹды* 'глаза' (псков.)). «Скорее всего, — пишет О. Н. Трубочев, — здесь представлено производное с древним суффиксом *-qđ-* от прилаг. **bělъ*. Вариант *-qđ-* мы рассматриваем как вариант к *-qt-*, ср. *bělqtъ*; эта вариативность должна восходить к раннему времени, к эпохе активности консонантных основ, каковыми, бесспорно, были старые причастия вроде **bělqtъ*³⁶.

Любопытно, что слово *сколудина* встречается в тех же псковских говорах, что и *белуды*.

Слова **skolqđь* и **šelqđь* находятся друг к другу в отношении чередования, поскольку **šelqđь* < **xel-qđь* < **skel-ond-*. Оба слова образованы от глагольной основы **skel-* 'раскалывать' с вторичным развитием семантики 'чесать, драть'. Сюда же псковское

³¹ Картотека Псковского областного словаря.

³² Куликовский, с. 129, 259.

³³ Меркулова В. А. Народные названия болезней II. — Этимология. 1970. М., 1972, с. 171.

³⁴ Опыт, с. 205; Даль³ IV, стб. 199.

³⁵ Słownik prasłowiański I, с. 63.

³⁶ ЭССЯ, 2, с. 76.

холудье 'тряпье'³⁷ и литературное *процельга* 'оборванец, голь' к первичному значению 'драть'.

С точки зрения семантики слово *сколудина* тесно связано со словом *шелуди*. Не исключено, что исходным значением слова **skoldь* было 'парша, чесотка'. Большое животное — слабое и негодное. Ср. устойчивый переход значений от 'чесоточный' к 'плохой, негодный': *паршивый* 'больной паршой' → 'плохой вообще'³⁸.

ХМЫЗ

Географические границы слова *хмыз* — это украинский и белорусский языки, белостоцкие говоры польского и южные говоры русского языка: укр. *хмиз* м. 'прутья, мелкий хворост, мелкие тонкие ветви, уже отделенные от дерева', 'мелкая лесная заросль'; *хмизина* 'один прут из хмызу, а иногда то же, что и хмиз', *хмизний* 'из хмызу', *хмизняк* м. 'мелкий кустарник', *хмызувати* 'бить прутом, 'покрывать хмызом'³⁹; блр. *хмызьняк* 'кустарник', *хмызнік* то же⁴⁰, фамилия *Хмыз*; русск. *хмыз* 'мелкий кустарник' (кур., смол.), *хмызник* 'молодой лес, кустарник' (смол., брян.)⁴¹, *хмыз* 'хворост, хворостник, кустарник, мелкая поросль, молодежник' (юж., зап., калуж.)⁴²; *хмыз* 'сухие мелкие сучья, хвоя, листья' (подмоск.)⁴³; польск. *chmyz* 'zielsko', *chmyzu* 'niskie, karłowate krzaki'⁴⁴.

Итак, основные значения слова *хмыз* — 'хворост' и 'мелкий кустарник'.

Этимология слова *хмыз* определяется словообразовательным анализом. Какую часть слова следует выделить как корневую? Это же определяет и реконструкцию. Г. А. Ильинский реконструировал слово как **хът-узъ*, где **хът-* звукоподражательный корень, а *-уз-* суффикс, удлинение *-ъз-*⁴⁵.

М. Фасмера не удовлетворили этимологии Ильинского и Петерссона (последний сравнивал *хмыз* с др.-инд. *kṣuta* ж.), он считает слово неясным⁴⁶.

Между тем, этимология Ильинского вполне реальна (ср. укр. полт. *хамлб* 'мелкие веточки, срубленные с дерева'), что не исключает возможности иной интерпретации данного слова.

³⁷ Картотека Псковского областного словаря.

³⁸ Меркулова В. А. Народные названия болезней. II. — Этимология. 1970, с. 154.

³⁹ Гринченко IV, с. 405.

⁴⁰ Байкоў-Некрашэвіч, с. 336; Юрчанка, с. 213.

⁴¹ Опыт, с. 248; Добровольский, с. 962; Картотека словаря брянских говоров.

⁴² Даль³ IV, стб. 1203.

⁴³ Иванова. Подмоск., с. 528.

⁴⁴ Budziszewska W. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, с. 313, 257.

⁴⁵ Ильинский Г. А. Суффикс *oz/ez/ъз* в славянских языках. — Изв. ОРЯС, XVI, 4. СПб., 1912, с. 7.

⁴⁶ Фасмер IV, с. 251.

Слово *хмыз* можно рассматривать как состоящее из корня *-туз-* и протезы (или префикса) *x*.

Параллельно корню (*s*)*туг-* в славянских языках существует корень (*s*)*туг-* в близком значении: русск. *смýгать*, *шмыгать* 'дергать, драть' (переносно 'бегать, суетиться'). См. *смýгать* 'шмыгать носом при насморке' (яросл.)⁴⁷ = *дергать носом*; *смýгать* 'часто ходить из двери в дверь' (нижег., тамб.); *шмыгать* 'тереть, протирать', 'быстро двигать чем-н., шаркать, тереть', *смýгаться* 'заботиться, стараться'⁴⁸; *смýгнуть* 'неожиданно ударить' (яросл.)⁴⁹ (ср. *смуга* 'полоса', может быть, первоначально 'след от удара'); *перемы́га* 'верхняя часть окна' (урал.)⁵⁰ (ср. *перемычка*). Этот же корень *-туг-* представлен в качестве второй части сложений: *босомы́га* 'тот, кто бродит босой', *голомы́га* 'праздник, шатун, бездельник', *халамы́га* 'кто задевает за всякие вещи' (псков.)⁵¹, *шаламы́га* 'запосчивый, капризный' (псков.)⁵², сюда же, по-видимому, *шаромы́га* 'колоброд, кто бродит вокруг'⁵³; *шмы́жить* 'обдирать (о почках, листьях)' (краснояр.)⁵⁴.

Параллельно корню *-туг-* и его усилению *-тузг-* в славянских языках⁵⁵ представлен и корень *-туз-* с тем же значением 'драть'. Ср. *мыз* 'зарубка на конце бревна', *мы́знуть* 'сбежать, убежать', 'украсть'⁵⁶, *мы́знуть* 'броситься, быстро убежать' (арх.)⁵⁷; *каламы́зить* 'проказничать' (урал.)⁵⁸, *умы́зать* 'нерасчетливо израсходовать, растратить зря, неразумно' (перм.)⁵⁹; особенно интересно *хмы́здать* 'шнырять между людьми, тереться в толпе', 'рвать, размочаливать, трепать', 'бегать, ходить торопливо, суетливо, но без надобности' (яросл.); *хмы́зник* 'проходимец' (брян.)⁶⁰.

По-видимому, сюда же *нехомозный* 'неряшливый, нечистоплотный' (дон.)⁶¹, что предполагает существование несохранившегося прилагательного **хомозный* 'аккуратный, чистоплотный' из предполагаемого **хо-тѣз-ѣп-ѣжъ* < **sko-тѣз-* к первичному значению 'драть'⁶². Ср. чеш. диал. *komzit* 'рвать, драть (о платье)'; болг.

⁴⁷ Мельниченко, с. 188.

⁴⁸ Опыт, с. 208.

⁴⁹ Мельниченко, с. 188.

⁵⁰ Сл. Сред. Урала III (рукопись).

⁵¹ Даль³ IV, стлб. 1162.

⁵² Картотека СРНГ.

⁵³ Наличие слов *босомыга*, *халамыга*, *шаламыга* делает французскую этимологию слова *шаромыга* < *cher ami* (Фасмер IV, 411) менее вероятной.

⁵⁴ Красноярский словарь, с. 223.

⁵⁵ Подробно об этом корне: Куркина Л. В. Славянские этимологии. II. — Этимология. 1972, М., 1974, с. 68.

⁵⁶ Сл. Средн. Урала II, с. 149.

⁵⁷ Картотека СТЭ.

⁵⁸ Картотека СРНГ.

⁵⁹ Соликам. словарь, с. 652.

⁶⁰ Мельниченко, с. 210; Картотека словаря брянских говоров.

⁶¹ Донской словарь, 2, с. 185.

⁶² О развитии значений 'драть' → 'чистить' см.: Меркулова В. А. Украинские этимологии. II. — Этимология. 1972. М., 1974, с. 66—67.

диал. *музам* 'обрывать листья, обдирать зерна, стирать, растирать' ⁶³.

Таким образом, существование корня *-muz-* в славянских языках представляется реальностью.

Что касается начального *x*, то его происхождение может быть тройким: а) экспрессивное изменение *s* → *x*; б) развитие протезы — задненебный перед плавным (ср. *гмур*, *гмыр* и др.) ⁶⁴; в) префикс *x*, параллельный префиксам *xa-*, *xo-* < *sko-*.

Признать *x* результатом экспрессивного изменения мы вряд ли можем, потому что далеко не все лексемы носят экспрессивный характер.

Объяснение появления *x* фонетическим процессом представляется более обоснованным. Процесс появления гласной протезы перед плавными является актуальным для русских говоров. Задненебный перед сонантами — это процесс, имеющий длительную историю. Ср. такие примеры, как *гмур* — *хмур* — *смур* — *мур* с полным совпадением семантики.

Вопрос о возможности истолкования *x* как префикса тоже остается открытым. Ср. такие примеры, как *ухмыляться* — *умыляться* (твер., печор.) — *оскомыливаться* (твер., олон.). Активность появления префикса *sko-* подтверждается таким поздним примером, как *оскомылок* 'обмылок' (твер.)

Материал нуждается еще в серьезном исследовании.

В слове **хмузъ* я склоняюсь к тому, чтобы рассматривать *x* как префикс. Доказательством этого может служить чеш. *hamiz* 'Jasione montana, букашник', где мы находим префикс *ha-* и рассмотренное выше *нехомузый*.

Относительно семантики слова *хмыз* нужно заметить следующее: названия хвороста определяются двумя признаками; это или сухие ветки, которые обламываются ветром, или же ветки, которые отломаны, срублены, срезаны. Мелкий кустарник, молодая поросль, появляющиеся на вырубках, обычно характеризуются исключительной густотой, через него трудно пройти, он цепляется за одежду и рвет ее. Таким образом, общим признаком для слова, обозначающего одновременно 'хворост' и 'молодой кустарник' может быть только 'драть'. Ср. русск. *лом* 'хворост', *дрáка* 'мелкий кустарник' (яросл.) ⁶⁵, *чапыга*, *чапыжник* то же; блр. *ламáчка* 'хворост', словен. *dračje* 'хворост', укр. *різе*, *різі* 'хворост' ⁶⁶, *рунок* 'прут, тонкий хворост' ⁶⁷.

Таким образом, слово *хмыз* может быть реконструировано как **x-muz-ъ* и отнесено к корню *-muz-* 'драть, тереть' со значением 'кустарник' ← 'то, что дерет', 'хворост' ← 'то, что отодрано'.

⁶³ Стойков С. Лексиката на банатския говор. София, 1968, с. 144.

⁶⁴ ЭССЯ, 6, с. 161; Петлева И. П. К вопросу о *g*-протетическом в славянских языках. — Этимология, 1976, М., 1978, с. 51—55.

⁶⁵ Филип 8, с. 170.

⁶⁶ Шило, с. 250.

⁶⁷ Свенцицкий, с. 226.

вертеть

От индоевропейского корня **цегр-* 'вертеть, вращать' в славянских языках сохранились незначительные остатки. По-видимому, в древности это было большое этимологическое гнездо, которое постепенно утратилось; во всяком случае, об этом говорят материалы памятников, где слова с этим корнем представлены значительно богаче, чем в современных языках. В то же время этимологическая литература, посвященная словам этого корня, достаточно обширна и противоречива. Утрата значительного количества слов, затемнение семантики, делает невозможной задачу сведения в единую стройную систему современных форм и значений. Поэтому приобретают наибольшую ценность вновь найденные материалы, которые могут пролить свет на некоторые вопросы истории интересующего нас этимологического гнезда.

В современном русском языке от корня *цегр-* сохранились только фамилии *Воропаев, Воропанов*, образованные от исчезнувших прозвищ *Воропай, Воропан*; в б. Егорьевском у. Рязанской губ. название села *Воропино*⁶⁸, которое дает возможность восстановить прозвище *Воропа*. В современных русских говорах мы находим лишь одно слово: *ворописчина* 'оглобля, дубина'⁶⁹ (может быть, < *vorp-išč-ina*). В белорусском языке фамилии *Варапай, Варапáеў*⁷⁰, топоним *Воропаи* в Минской, Могилевской и Витебской областях⁷¹.

В белорусских диалектах *вбрапень* 'лежебок': «Ляжыць, як *ворапень*, ны пячы»⁷². У Носовича *воропай* 'слепец': «Эх ты, *воропай!*»⁷³ (Значение не выводится из контекста).

В польских диалектах глагол *pańropić* 'бормотать, дуться' и имя *pańropienie, pańrac się* 'таскаться, бродяжничать'; чеш. *vrápa, vrap* 'морщина', н.-луж. *gora*, в.-луж. (*w*)*gora* (в современном словаре отсутствует); в словен. *vrápa, rapa* 'морщина, складка', *vrpati* 'рыть, копать'; болг. *vъrpina* 'углубление, яма'; макед. *вранит* 'проворный, шустрый'; с.-хорв. *връпѡлити се* 'ерзать, вертеться'. Практически в каждом языке сохранилось одно изолированное слово, существующее только в диалектах. Кашубский материал привлекаться не должен, поскольку он восходит к немецкому заимствованию⁷⁴.

Исторический материал несколько богаче. В церковнославянском языке был глагол *врѣти, врѣпж, врѣпеши* (кого) 'обдирать, обирать': «приставници ваши *врѣпѡт* вы» (Is. 3, 12)⁷⁵. Тот же

⁶⁸ Russ. geogr. Namenbuch II, s. 198.

⁶⁹ *Филин* 5, с. 117.

⁷⁰ *Бірыла*, с. 82.

⁷¹ Russ. geogr. Namenbuch II, с. 198.

⁷² *Бялькевич*, с. 112.

⁷³ *Носович*, с. 66.

⁷⁴ *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 136.

⁷⁵ *Slovník jazyka staroslověnského*, 5, с. 224.

глагол употреблялся и в древнерусских памятниках: «Не веселиса цвьтоушними мира сего, ако травньни бо єсть цвѣтъ, єлико бо имь *вьрпеши*, толико же оувадаєтъ» (Сб. 1076 г.); «Пърсти измасти, кде бы ѡбрѣлъ злато роуками *вьрна*» (Жит. Феод. Ст. 137) ⁷⁶. В народном древнерусском языке XII в. широко употреблялось выражение *пустити наворопъ*, смысл которого можно приблизительно передать, как 'отправить передовой отряд', 'организовать стремительное наступление', 'осуществить набег', 'устремиться': «(1169). . . а поиде къ Вышегороду а берендичи *пусти в наворопъ* и на болоньи ѡ Днѣпра зайгоша дворъ тысячкого Рѣда Радилловъ. . .» (Ипат. л., л. 190 об.); (1170). . . бра^тѣ же вси пожаловаша на Мѣстислава. ѡже оутаивъса ихъ *пусти в наворопъ*» (Ипат. л., л. 193); (1184) Рюрикъ же и Стѡславъ Ѡрадиста Володимѣра Глѣбовича *вьрадиша в наворопъ* и Мѣстислава Романовича а самъ Рюрикъ и Стѡславъ пойдоста задѣ ихъ» (Ипат. л., л. 222 об.). Во всех трех текстах *наворопъ* 'передовой отряд'. (1190) Тое же зимы половци вѣхаша Ростиславлею дорогою, Итогды съ Акоушемъ, и хотѣша *пустити наворопъ* по земли и гаша языкъ во Воротцехъ, а и слышаша ѡже Стѡславъ стоить совокоупивса от Коульдера и тако оувернувша побегоша. . .» (Ипат. л., л. 232—233). Здесь значение можно передать, как 'набег'. Имя *наворопъ* было образовано от глагола *наворопити* 'набежать, напасть': (1126) *наворопивше* же врази и не вѣспѣвше ни въ что же положи (Ипат. л., л. 108); (1225) кнзъ же Ирѡславъ съгони ю на вѣстѣ и *наворопи* на не и так бжиюю помощю и стѣпа софиа Ѡимаша весь полонъ а самѣхъ избиша. . .» (I Новг. лет., л. 102) ⁷⁷. Имя *наворопникъ* значило 'передовой': *наворопници* же, перешедше Хороль, взидоша на шоломя, глядающе, кдѣ узрять ѣ (Ипат. л. 6692 г.) ⁷⁸.

Вычленение имени *воропъ* неправомерно, а приписывание ему значения 'нападение, грабеж', по-видимому, определяется давлением церковнославянских примеров, где *навранъ* проворнѣ 'грабеж, добыча' (Изб. 1073 г., 104); *вранѣти* 'усилиться, возмочь': яко *вранѣ* (=возможе) врагъ (Плач Иер. I. 16); *сѣвранѣтиса* 'быть тесным, покоряться': Есѣство тѣла. . . злостраданіємъ смиряется и *сѣвранѣтсѣ* (Псалт. толк. Феод. пс. СХVIII, 83 толк.) ⁷⁹.

Таким образом, значения народного древнерусского слова и книжного, церковнославянского, на мой взгляд, не совпадали: др.-русск. *наворопъ* 'передовой отряд', 'набег, наступление', цслав. *навранъ* 'грабеж, добыча'.

С XV по XVII в. в восточнославянских языках были популярны прозвища *Воропай*, *Воропанъ*. Анализ показывает, что место возникновения этих прозвищ — территория будущей Белоруссии

⁷⁶ Срезневский I, стлб. 462.

⁷⁷ Картотека СДР.

⁷⁸ Срезневский II, стлб. 271.

⁷⁹ Срезневский I, стлб. 313; II, стлб. 271; III, стлб. 662.

и частично Украины, во всяком случае пять прозвищ из восьми принадлежат лицам нерусского происхождения: Васюкъ *Ворынай* Дмитріевъ сынъ Нармацкаго, помещик в городе Демоне 1495 г. Писц. II, 531; Якуш *Ворынай*, крестьянин города Демона, 1495 г. Писц. II, 500; Федоръ Зенковичъ *Воронай*, офицер, зап. 1567 г. Арх. Сб. IV, 216; Андрей *Воронай*, ревизор королевский 1594 г. Ю. З. А. I, 251; Романъ Григорьевъ *Воронай*, казак нежинский 1660 г. Ю. З. А. V, 22⁸⁰.

Уже в качестве отчества и фамилии это прозвище встречается достаточно широко и на территории России: Ушакъ Чемодановъ сынъ *Воропановъ*, московский дворянин, 1528 г. Гр. и Дог. I, 431; Максимъ *Воропаевъ*, Торопецкий посадский. 1672 г. А. К. II, 112 и др. История анализа этого слова является историей создания научной фѣкции. В современной этимологической литературе существует мнение, что в русском и украинском языках слово *воронай* было постоянным эпитетом жениха и каравая⁸¹, в белорусском языке означало слепого человека⁸². На самом деле, речь идет об интерпретации одного места из одной свадебной белорусской песни. Текст песни следующий:

«Пытаўсе каравай у перапечы:
«Да куды сцежка да клеці?»
— «Да *караваю-вєрапаю!*
Часто у клеці бываеш
Сцежкі-дарожкі пытаеш!
Вазьми пажажок, папєрайсе,
Да у клетку дабывайсе!»

Носович, тонко чувствуя семантику белорусского слова, не совсем удачно характеризовал слово *воронай* как 'слепец', употребив последнее в образном, переносном смысле.

Уже Потебня заметил, что значение слова передано Носовичем неверно; это не помешало считать, что в белорусском языке есть слово *воронай* 'слепой человек'. Потебня, в свою очередь, разбирая текст этой песни, пишет, что слово *воронай* здесь эпитет каравая. Далее он развивает типичную для него мифологическую концепцию, что каравай — это символ быка, а бык — символ жениха, ссылаясь на древнеиндийский и латинский материал⁸³. Исходя из того, что Потебня обычно рассматривал русский и украинский материал, возникает впечатление, что он говорит о русском и украинском *воронай* — постоянном эпитете жениха и каравая.

На самом деле, в русском языке этого слова нет, в украинском употреблялось слово *воронай*, но явно не как эпитет жениха. Гринченко приводит следующий текст песни:

⁸⁰ *Тупиков*, с. 152.

⁸¹ *Фасмер* I, с. 354.

⁸² *Бірыла*, с. 82.

⁸³ *Потебня* А. Этимологические заметки. — РФВ, IV. Спб., 1880, с. 165—166.

«Чоловіче-воропаю,
де ж я тебе поховаю?
Заховаю під вербою,
Чим накрию? Пеленою.
Заховаю на могилі,
Щоб по тобі вовки вили»⁸⁴.

Гринченко не раскрывает значения слова *воропай*, и это правильно. Использование слова *воропай* и в той и в другой песне в качестве эпитета (в первой — рифмованного) не дает возможности для точной интерпретации его семантики. Нужен дополнительный материал⁸⁵. Любопытным в этом смысле является слово *варанник*, записанное в украинском Полесье, 'хлеб, выпеченный из смешанной недоброкачественной, обычно разных сортов муки'⁸⁶ и укр. диал. *воропай* 'ворчун'.

В этимологической литературе освещена лишь часть материала. Потєбня рассматривает это этимологическое гнездо достаточно путанно, сопоставляя часть с балтийской, часть с германской лексикой⁸⁷.

Махек, исходя из чеш. *vrar* 'морщина', разбирает слова только с этим значением, выводит их из праслав. **vorǫ* и сравнивает с нем. *sich werfen*, англ. *to warp*⁸⁸.

Покорный в статье **цєр*- приводит только др.-русск. *вьрнсти* и с сомнением чеш. *vrar* 'морщина'⁸⁹.

Фасмер в статье о др.-русск. *воронъ* сближает его с греч. *ρέπω* < *υερῶ* 'качаюсь, склоняюсь, перевешиваю', *ρόπαλον* 'палица, дубинка, булава', лат. *repens* 'внезапный, неожиданный'. Он отвергает сравнение с гот. *waírpan* 'бросать' и с лит. *veĩpti* 'прясть', в то же время др.-русск. *вьрнсти* связывает с литовским глаголом, но сопоставление Потєбни слав. *воропай* — лит. *verpėjas* 'прядильщик' считает неудовлетворительным⁹⁰.

Ф. Безлай вводит в научный обиход словен. *vrpati* 'рыть, копать', болг. *вѣрѣна* и большое количество топонимического материала⁹¹, часть которого (восточнославянская) кажется скорее балтийского, а не славянского происхождения.

Я уже говорила о том, что новый диалектный материал может много дать для уяснения истории данного этимологического гнезда. В архангельских говорах русского языка сохранился глагол

⁸⁴ Гринченко I, с. 255.

⁸⁵ Ср. у И. С. Тургенева в романе «Рудин» слова «грае, грае, *воропае*», как пример псевдоукраинского текста.

⁸⁶ Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Київ, 1974, с. 39.

⁸⁷ Потєбня. Указ. соч., с. 161—167.

⁸⁸ Machek², с. 698.

⁸⁹ Pokorný, с. 1156.

⁹⁰ Фасмер I, с. 354, 300.

⁹¹ Безлай Ф. Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, № 4, с. 52; Bezlay F. Novejša dognanja v slovenski toponomastiki. — Dok. V. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1969, s. 8—9.

вернѣть 'кипеть'⁹². Этот глагол замечателен тем, что он полностью соответствует литовскому *virpėti* 'колебаться, дрожать, трепетать'. Он делает несомненной связь балтийского и славянского материалов, их происхождение от и.-е. **werp-* 'вращать', и показывает, что развитие этого этимологического гнезда в славянском носило совершенно независимый и оригинальный характер. В балтийском продолжения этого индоевропейского корня были включены в текстильную терминологию, ср. лит. *verpalai* 'пряжа', *verpimas* 'прядение, пряжа', *veřpti* 'прясть', *varpstė* 'веретено'⁹³. В то же время есть возможность вскрыть первичное значение 'вращать, крутить, колебать', ср. *verpetas* 'водоворот, пучина, вихрь', *virpulys* 'дрожь' и приведенный выше глагол *virpėti* 'колебаться, дрожать, трепетать'.

Глагол *вернѣть* 'кипеть' отражает древнее значение, образованное от значения 'вертеть, крутить', ср. **vьrěti* 'кипеть'.

От значения кипения развивается вторичное значение быстрого стремительного движения. Ср. болг. *върл* 'крутой', 'быстрый', 'злой'⁹⁴ и соотношение двух праславянских глаголов **kurěti* 'кипеть' и **kvapiti* 'спешить, торопиться', 'посягать, покушаться' (польск. *kwarcić się* 'торопиться, спешить', блр. *кваніцца* 'зариться, посягать, покушаться', ср. еще болг. *закинетя се* 'стараться, силиться'). Эта аналогия дает нам возможность понять значение макед. *врапит* 'проворный, шустрый' и др.-русск. *наворонъ* 'стремительное наступление, набег', 'передовой отряд'. Значение болгарского глагола *закинетя се* 'стараться, силиться' помогает понять семантику цслав. *врапѣти* 'усилиться, возмочь'.

На праславянском уровне мы вправе восстановить следующие формы **verpti* 'рвать', **vьrpěti* 'кипеть', **vorpъ*, **vorpa* 'морщина, складка', 'быстрое движение', **vorpiti* **navorpiti* 'набежать, напасть'. Остальные образования могут быть более поздними, возникшими уже в рамках отдельных славянских языков.

Укр. диал. *воронай* 'ворчун' связано с польск. *nawropieć* 'дуться, сердиться'. Эпитет каравая может указывать на характер самого хлеба. Ср. второе название каравая в брянских говорах — *верч*⁹⁵. В основе лежит значение 'месить, вращать, крутить' → 'украшать'.

Стоит обратить внимание на суффиксальную вариантность: **vorp-ajъ* / **vorp-anъ* при **korv-ajъ* 'свадебный хлеб' / **korv-anъ* 'полено'. Вряд ли это совпадение случайно.

Анализ семантики этих слов требует дополнительного материала.

⁹² Картотека СТЭ.

⁹³ См. подробно: *Трубачев О. И.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 91.

⁹⁴ БЕР I, с. 211.

⁹⁵ *Расторгуев*, с. 64.